Евразийская адвокатура. 2022. № 1 (56). С. 17.
Eurasian advocacy. 2022;(1(56)):17.

Исторический опыт

Научная статья
УДК 342.4
doi 10.52068/2304-9839_2022_56_1_17

О ПРОГРАММНЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОНСТИТУЦИЙ ПЕРИОДА СОВЕТСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

ДАНИЛЕВСКАЯ Инна Леонидовна
Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук
119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10, Российская Федерация

Аннотация: Цель работы – проанализировать особенности становления и развития отечественного конституционного регулирования, исследовать его традиции и трансформации. Использовались историко-правовой, формально-юридический методы и метод изучения документов. В статье исследуется ряд программных положений в отечественных основных законах: Конституции РСФСР 1918 г., открывшей период советского конституционализма, и Конституции СССР 1977 г., принятой на этапе завершения данного периода. Рассмотрены роль и смысл программных положений, их взаимосвязь с основными чертами и функциями конституции, политическим и правовым развитием. Значимость работы заключается в том, что в ней предложен авторский взгляд на программное назначение конституции.

Ключевые слова: советский конституционализм, Конституция РСФСР 1918 г., Конституция СССР 1977 г., конституционные идеи, конституционные нормы, программные положения, структура конституции, нормы-цели

Для цитирования: Данилевская И.Л. О программных положениях отечественных конституций периода советского конституционализма // Евразийская адвокатура. 2022. № 1 (56). С. 17. https://doi.org/ 10.52068/2304-9839_2022_56_1_17

Historical experience

Original article

ON THE PROGRAM PROVISIONS OF DOMESTIC CONSTITUTIONS OF THE PERIOD OF SOVIET CONSTITUTIONALISM

DANILEVSKAIA Inna Leonidovna
PhD, Senior research assistant of constitutional law and constitutional justice sector of the Institute of State and law of the Russian Academy of Sciences,
119019, Moscow, Znamenka, 10, Russian Federation

Abstract: The purpose of the work is to analyze the features in the formation and development of domestic constitutional regulation, to explore its traditions and transformations. The historical-legal method, the formal-legal method, the method of studying documents were used. The article examines a number of policy provisions in domestic fundamental laws: the RSFSR Constitution of 1918, which opened the period of Soviet constitutionalism, and the USSR Constitution of 1977, adopted at the end of this period. The role and meaning of program provisions, their relationship with the main features and functions of the constitution, political and legal development are considered. The significance of the work lies in the fact that it offers the author's view of the programmatic purpose of the constitution.

Keywords: Soviet constitutionalism, Constitution of the RSFSR of 1918, Constitution of the USSR of 1977, constitutional ideas, constitutional norms, program provisions, constitution structure, target norms

For citation: Danilevskaia I.L. On the program provisions of domestic constitutions of the period of soviet constitutionalism= Eurasian advocacy. 2022;1(56):17. (In Russ.). https://doi.org/ 10.52068/2304-9839_2022_56_1_17

Обсуждение и принятие в 2020 году поправок в Конституцию РФ привлекло внимание юридического сообщества к целому комплексу теоретических и практических аспектов конституционного регулирования, проявлений роли конституции в разные периоды развития российского государ-

© Данилевская И.Л., 2022

ства. Очевидно, что многогранность правовой природы конституции не исчерпывается дефиницией этого понятия как основного закона государства, определяющего основы общественного и государственного строя и систему его государственных органов. Каких-либо аксиом в определении предмета конституционного регулирования и, соответственно, структуры конституции не существует. Каждая конституция – это продукт переплетения объективного и субъективного, на её предмете и структуре прямо отражаются общественно-политическая система, возобладавшая в соответствующей стране, принятые за основу концепции, усмотрения лиц и органов, готовивших конституцию [1, с. 16, 26].

Вместе с тем, если речь идет об основном законе как кодифицированном акте, охватывающем все нормы высшей юридической силы, то он имеет стандартную структуру: включает преамбулу, основную часть и заключительные и переходные положения. Своеобразие конституционных норм проявляется в приоритете учредительных норм, норм-целей, норм-принципов. Конституция призвана выступать как маяк, ориентирующий общественные процессы, представляя собой концентрированное выражение нового формирующегося общественного мировоззрения [2, с. 23, 28–29].

В истории становления и развития отечественного конституционного регулирования программные конституционные положения играли знаковую роль, учитывая, что идеологический, мировоззренческий образ государства формировался, в том числе, и с помощью конституций, так как именно в основном законе государство обозначает свои базовые ценности, фундаментальные цели, планы и программы развития, представляя мировому сообществу конституцию как «лицо» государства. Отметим, что «программность» трактовалась советскими исследователями как одна из основных черт конституции, наряду с такими её чертами, как гуманизм, научность и реальность [3, с. 43–50]. Направляющее воздействие программных конституционных положений, как правило, не связано хронологически с периодом действия конкретной конституции, в которую они включены, и в этом их особенность. Вместе с тем программное положение, ставшее нормой права, должно включаться в процесс нормативного регулирования, закладывать основу для практической реализации, связанной с правоприменением, с решением практических задач. Именно этот вектор движения интересует гражданское общество, способствуя его созданию и укреплению. Принятие конституции – это, как правило, новый рубеж, итог взаимодействия различных политических сил, трансформация мировоззрения и ценностных установок и, как показывает отечественный исторический опыт, появление абсолютно новых нормативных принципов и подходов в строительстве государства и права.

Советские конституции 1918, 1924, 1936 и 1977 годов, представлявшие собой конституционную модель открыто идеологизированных советских конституций тоталитарного социализма [4, с. 49], отразили специфику конституционно-правовой культуры периода советского конституционализма, длившегося с конца 1917 до конца 1991 г., в частности, особый статус коммунистической партии в советском государстве. При этом в содержании Конституции РСФСР 1918 г., открывшей период советского конституционализма, и Конституции СССР 1977 г., принятой на этапе завершения данного периода, присутствовали знаковые программные положения, формулировавшие ключевые цели развития советского государства и общества на соответствующих этапах его развития.

В контексте исторического развития права исследователи подчеркивают продуктивность норм-деклараций, которые работают в качестве регулятора во времена острых политических кризисов, требующих серьезного пересмотра конституционных основ общества, когда расшатанная правовая система оказывается на грани падения, перестают действовать привычные методы и источники права. Именно в экстраординарных условиях нормы-декларации открывают новую страницу в конституционной истории общества [5, с. 691–692]. Как отмечал один из членов Конституционной комиссии по разработке первой советской конституции, русский советский государствовед М.А. Рейснер, на первый план была выдвинута политика с её творческим устремлением вперед и созиданием новых общественных форм [6, с. 293]. В основу Конституции 1918 г., уникального документа, отразившего дух, стиль и острые противоречия сложнейшего периода кардинальных преобразований государства и общества, сопровождавшихся хаосом, разрухой и борьбой, была положена «идея цели, она стала рабочим планом общественного строительства, лишенного формальной, предательской справедливости»; целевые, программные установки пронизывали этот высший акт советского законодательства сверху донизу [6, с. 150, 152; 7, с. 294], в ней доминировали так называемые нормы-цели, смысловое соотношение цель – будущее, а сам конституционный текст отличался концентрацией таких лексем, как цель, зада-

ча, подготовление, переходный, объединенных общим компонентном значения – будущее [8, с. 218]. При этом документ идеологически строился в русле стратегии «создание круга своих» и «создание круга чужих» [9, с. 5], кардинально разделяя граждан на трудящихся (эксплуатируемых) и «паразитические слои общества» – эксплуататоров. В этом революционном марксизме, как отмечал Н.А. Бердяев, заключался сильный элемент моральной оценки и морального осуждения, под которое подходил, в сущности, весь мир, за исключением верных марксистско-коммунистическим верованиям [10, с. 283]

Незадолго до принятия Конституции, в мае 1918 г. в работе «Шесть тезисов об очередных задачах советской власти» В.И. Ленин, в частности, указывал, что «задача убедить трудящихся России в правильности программы социалистической революции и задача отвоевания России от эксплуататоров для трудящихся являлись в основных чертах завершенными», главной задачей, по мнению вождя мирового пролетариата, являлась организация правильного управления Россией, что было условием полной победы советского типа государства…» [11, с. 59–60].

Правильному управлению Россией должно было способствовать программное назначение Конституции РСФСР 1918 г., отраженное в ней в полной мере. Так, на будущую перспективу были направлены программные нормы об уничтожении всякой эксплуатации человека человеком; полном устранении деления общества на классы; беспощадном подавлении эксплуататоров; установлении социалистической организации общества; победе социализма во всех странах и об установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти. Для реализации этих программных положений провозглашался ряд практических мер, таких как национализация земли, лесов, недр и воды общегосударственного значения, банков, введение рабочего контроля на предприятиях, аннулирование займов, заключенных старым правительством, лишение прав отдельных лиц и групп, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции и т. п.

Программное положение о закреплении коренных начал федерации было реализовано принятием основных законов в ряде автономных республик, входивших в те годы в состав РСФСР. Начиная с 1919 г. принимаются основные законы и в других советских республиках, которые были образованы в 1917–1921 гг. при непосредственной помощи РСФСР на территории бывшей Российской империи: в 1919 г. – ССР Латвии, Белоруссии, Украинской ССР; в 1921 г. – Азербайджанской ССР; в 1922 г. – ССР Армении, ССР Грузии, Бухарской НСР, Харезмской СНР, ЗСФСР. Данные акты были едины в закреплении власти трудящихся, в организации советского аппарата, основ социально-экономической политики, правового статуса граждан. В принципе они были идентичны в вопросах регулирования, закрепления положений, относящихся к практическому конституционализму [12, с. 156]. Конституция фактически продолжила воплощать идеологию советского государственного строительства, заложенную с октября 1917 г. по июль 1918 г. предшествующими законодательными актами конституционного уровня, регламентировавшими цели создания советского государства, концепции его государственного устройства и других государственных институтов на основе теоретических разработок, конституционных идей и ценностных установок партии большевиков по главе с В.И. Лениным, в частности, созданным им программным документом – Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г., «в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами» [13, с. 41–45].

Можно констатировать, что программные положения Конституции РСФСР 1918 г. остались идеологическим фундаментом для дальнейшего конституционного регулирования, однако стать основой для реализации правильного управления страной так и не смогли. Представляется, что вопрос о соотношении программного назначения конституции с реальной законодательной программой государства носит дискуссионный характер. Здесь необходимо учитывать специфику советского конституционализма, заключающуюся в особом статусе партии РКП(б) как единственной, правящей, руководившей де-юре и де-факто всем государством. В теоретическом и практическом плане эта проблематика остается актуальной, поскольку конституция даже при различных формах государственного устройства остается мировоззренческим документом, следовательно, её идейное наполнение, программа должны нести формирующее действие, «встраиваться» в ожидания общества, сочетаясь при этом с реальной действительностью.

Следующие советские конституции – Конституция СССР 1924 г., ставшая логическим завершением образования Советского Союза [14, с. 188], и «сталинская» Конституция СССР 1936 г. новых

программных положений не содержали, они сохраняли и продолжали идеологическую направленность программных установок первого советского основного закона.

В этой связи небезынтересно отметить, что в 1964 г., в период так называемой «хрущевской оттепели», был разработан новый проект Конституции СССР, предусматривавший программные положения, сформулированные как главные цели и идеалы, на осуществление которых было направлено действие конституционных норм. Отметим, что, по мнению авторов проекта, отсутствие программных норм в Конституции 1936 г. нарушало ленинские принципы о необходимости программных положений в основном законе. Проект закреплял, в частности, высшую цель советского народа – построение коммунизма, что соответствовало идеологическому курсу, который в период принятия решений о разработке конституционного проекта определяла принятая XXII съездом КПСС Третья Программа партии, формулировавшая построение коммунистического общества как «непосредственную практическую задачу советского народа» [15, с. 22–36].

Действующей конституцией конституционный проект 1964 г. не стал, следующая советская Конституция была принята только в 1977 г. Сохраняя преемственность идей и принципов предшествующих конституций, Конституция СССР 1977 г. содержала целый ряд программных положений, закрепляя, в частности, высшую цель Советского государства – построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление. Она сформулировала главные задачи социалистического общенародного государства: создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечение безопасности страны, содействие укреплению мира и развитию международного сотрудничества. Как известно, провозглашенные достойные, благие цели, закрепленные программными положениями Конституции СССР 1977 г., не только не получили практической реализации и остались, по сути, лозунгами, они привели к стагнации, деформации правосознания и духовной жизни советского общества. Если обратиться к теоретической составляющей, то отчасти это было связано с прекращением после смерти В.И. Ленина теоретических разработок по проблематикам социалистического государства и советского строительства, в практическом плане имели место ошибки в социально-экономической сфере. Однако не менее серьезной ошибкой, по нашему мнению, представляется неразработанность программного положения о национальной идее, которая могла трансформироваться в государственный интерес, слагаемый из интереса каждого гражданина, сохранив и преумножив идейную консолидацию советского общества, способствуя солидарной деятельности и формированию общности существующих целей. Как отмечал русский философ А.И. Ильин, первое, что делает человека гражданином, это принятие государственной цели, именно в этом состоит сущность государства, в котором все его граждане имеют, помимо многих личных, различных интересов, единую цель и один общий интерес [16, с. 335–337].

В сегодняшних реалиях неоднородного, неопределенного и нестабильного современного мира возрастает роль конституционных норм как социальных регуляторов, с помощью которых возможно поддерживать организованность общества и правопорядок. Эволюция общественных процессов, предопределяя социальные, экономические, политические преобразования, обусловливает необходимость трансформации конституций. При этом одной из важнейших конституционных ценностей остается стабильность системы государственной власти, ориентированной на защиту прав и свобод [17, с. 4].

Список источников

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: РЮИД, Сашко, 2000. С. 528.
2. Конституция, закон, подзаконный акт / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Юрид. лит., 1994. С. 136.
3. Советское государственное право и советское строительство / под ред. Н.П. Фарберова. М.: Юрид. лит., 1967. С. 351.
4. Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 5. М., 2018. С. 504.
5. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 800.
6. Рейснер М.А. Государство буржуазии и РСФСР. М.: Государственное издательство, 1923. С. 419.
7. Рейснер М.А. Основы Советской Конституции. М.: Издание Академии Генерального Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии, 1920. С. 238.
8. Лоскутова К.Н. Язык права в политической лингвистике (тексты Конституции 1918 и 1936 годов) // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 217–222.
9. Самарина И.В. Коммуникативные стратегии «создания круга чужих» и «создания круга своих» в политической коммуникации (прагмалингвистический

аспект): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 21.

10. Бердяев Н.А. Судьба России. Самосознание. Ростов н/Д: Феникс, 1997. С. 544.

11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т. М.: Институт Марксизма–Ленинизма при ЦК КПСС, 1983. Т. 2 (1917–1922). С. 606.

12. Шульженко Ю.Л. Конституция – основа советского конституционализма государства периода диктатуры пролетариата // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 152–158.

13. Съезды советов РСФСР в постановлениях и резолюциях: сборник документов / под общ. ред. А.Я. Вышинского. М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1939. С. 540.

14. Чистяков О.В. Конституция СССР 1924 года: учеб. пособ. М.: ИКД «Зерцало-М», 2004. С. 224.

15. Ильин И.А. Учение о правосознании // Родина и мы: статьи. Смоленск: Посох, 1995. С. 512.

16. Данилевская И.Л. Из истории советского конституционализма: проблематика политической системы в проекте Конституции СССР 1964 г. // Отечественный конституционализм: история и современность: сборник научных трудов / под общ. ред. Ю.Л. Шульженко. М.: Институт государства и права РАН, 2021. С. 22–36 [Электронный ресурс]. 1 опт. компакт-диск.

17. Виноградова Е.В., Виноградова П.А. Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации: монография. М.: Эдипус, 2020. С. 200.

References

1. Avak`yan S.A. Konstituciya Rossii: priroda, e`volyuciya, sovremennost`. M.: RYuID, Sashko, 2000. S. 528.

2. Konstituciya, zakon, podzakonny`j akt / otv. red. Yu.A. Tixomirov. M.: Yurid. lit., 1994. S. 136.

3. Sovetskoe gosudarstvennoe pravo i sovetskoe stroitel`stvo / pod red. N.P. Farberova. M.: Yurid. lit., 1967. S. 351.

4. Xabrieva T.Ya. Izbranny`e trudy`: v 10 t. T. 5. M., 2018. S. 504.

5. Mal`cev G.V. Social`ny`e osnovaniya prava. M.: Norma: INFRA-M, 2014. S. 800.

6. Rejsner M.A. Gosudarstvo burzhuazii i RSFSR. M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo, 1923. S. 419.

7. Rejsner M.A. Osnovy` Sovetskoj Konstitucii. M.: Izdanie Akademii General`nogo Shtaba Raboche-Krest`yanskoj Krasnoj Armii, 1920. S. 238.

8. Loskutova K.N. Yazy`k prava v politicheskoj lingvistike (teksty` Konstitucii 1918 i 1936 godov) // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4 (38). S. 217–222.

9. Samarina I.V. Kommunikativny`e strategii «sozdaniya kruga chuzhix» i «sozdaniya kruga svoix» v politicheskoj kommunikacii (pragmalingvisticheskij aspekt): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Rostov n/D, 2006. S. 21.

10. Berdyaev N.A. Sud`ba Rossii. Samosoznanie. Rostov n/D: Feniks, 1997. S. 544.

11. KPSS v rezolyuciyax i resheniyax s``ezdov, konferencij i Plenumov CzK (1898–1988): v 16 t. M.: Institut Marksizma–Leninizma pri CzK KPSS, 1983. T. 2 (1917–1922). S. 606.

12. Shul`zhenko Yu.L. Konstituciya – osnova sovetskogo konstitucionalizma gosudarstva perioda diktatury` proletariata // Social`no-politicheskie nauki. 2018. № 5. S. 152–158.

13. S``ezdy` sovetov RSFSR v postanovleniyax i rezolyuciyax: sbornik dokumentov / pod obshh. red. A.Ya. Vy`shinskogo. M.: Vedomosti Verxovnogo Soveta RSFSR, 1939. S. 540.

14. Chistyakov O.V. Konstituciya SSSR 1924 goda: ucheb. posob. M.: IKD «Zerczalo-M», 2004. S. 224.

15. Il`in I.A. Uchenie o pravosoznanii // Rodina i my`: stat`i. Smolensk: Posox, 1995. S. 512.

16. Danilevskaya I.L. Iz istorii sovetskogo konstitucionalizma: problematika politicheskoj sistemy` v proekte Konstitucii SSSR 1964 g. // Otechestvenny`j konstitucionalizm: istoriya i sovremennost`: sbornik nauchny`x trudov / pod obshh. red. Yu.L. Shul`zhenko. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2021. S. 22–36 [E`lektronny`j resurs]. 1 opt. kompakt-disk.

17. Vinogradova E.V., Vinogradova P.A. Ukreplenie konstitucionny`x garantij popravkami 2020 goda v Konstituciyu Rossijskoj Federacii: monografiya. M.: E`dipus, 2020. S. 200.

Статья поступила в редакцию 18.02.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 26.02.2022.

The article was submitted 18.02.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 26.02.2022.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

www.eurasniipp.ru info@eurasniipp.ru +7-917-40-61-340